

Ганжа А.Г.
В О Ж Д Ь

Две версии одной легенды

(Фолклорно-этнографический этюд)

Посвящается памяти друга -
Александра Пики

На берегу Большой воды в стране народа Манси сидел странный человек со снежно-огненной бородой и большим горбатым носом, не похожий на манси. С тоской и надеждой глядел он на Запад. Восемь охотников вернул он роду, дюжину и три самых красивых девочек подарил... Теперь он свободен, как ветер в тундре! Но где же белокрылый корабль, который увезет его домой?! Сколько зим ждет он этого корабля? Дюжину? Две? Три? Затерялся счет в белой поземке.

Лежал богатырь Таг"т-котль ойка на просторных нарах,
Медведя мехом покрытых, шкурками соболя покрытый.
Тут чужой человек проходя, манси человек проходя, скажет,
На покрытой лодками, покрытой веслами Большой воде, проплывая,
На высоте бегущего облака в этом городке каждый скажет,
На высоте идущего облака в этом городе каждый скажет:
"Тут Таг"т-котль ойка живет!"

С аппетитом ел богатырь содержимое подогретого оленьего желудка. Малый человек его, Нангхут, с мечом в руке вошел в дом. Так говорит:

"Таг"т-котль ойка! Такое известное богатырство
разнесло твое имя! Такое славное богатырство разнесло твою славу!
И ты как можешь без дела лежать так?
К пристани городка нашего
две большие военные лодки подошли! Вставай!
На свое плечо, шкуркой соболя покрытое,
медведя мехом покрытое,
Ты, богатырь, панцирь свой костяной одень!"

Отвечал Таг"т-котль ойка, богатырь:
"Семь дней, семь ночей напрасно сна я жду.
Вот опять я ложусь;
Подушку низкую кладу- высокой становится,
Высокую подушку кладу - низкой становится!
Как раскидистое дерево, с ветками на одной стороне,
К шести сторонам, к семи сторонам,
Так ворочаюсь я с боку на бок, - а сон все не идет!
Настоящий сон, хороший сон!
Чтоб шею резать - не проснешься,
Чтоб б поясницу резать можно было - не проснешься!-
Такой настоящий сон...
И ты спокойно отдыхай, Нангхут, малый человек мой! –
Не будут чужие люди с больших лодок манси обижать
Принесли чужие люди мне подарки –
Торговать будут, однако!"

Семь ночей, семь дней сна не ведавший, спит богатырь Таг"т-котль ойка. Малый человек, Нангхут, с окровавленным мечом в руке вошел к нему. Так говорит:

"Таг"т-котль ойка, вставай!
Такое известное богатырство разнесло твое имя!
Такое славное богатырство разнесло твою славу!
И ты как можешь все без дела лежать так?!
Чужие люди с больших лодок на манси напали!
Чужие люди обижают манси:

Все шкурки черной лисицы, спину покрывающие,
Все шкуры медведя, спину прикрывающие –
Все, однако, даром берут!
Если молодых мужчин много, сыновей большое число есть!
Как по необходимости собравшийся сырок,
Как по необходимости собравшийся тугун,-
Так и мы собираемся вместе, если нужно!
Семь твоих сыновей со стрелами,
Семь твоих сыновей с луками из можжевельника
Сярхал-анет-ютлан ойка, лук имеющий богатырь, возглавляет,
Мужчина дочери твоей, Кортки!
Большую военную лодку чужих людей
Захватил Сярхал-анет-ютлан ойка,
Мужчина дочери твоей! "
Отвечал Таг"т-котль ойка, богатырь:
"Пока Сярхал-анет-ютлан ойка с вами,
-манси нечего бояться ! "

Так сказал богатырь Таг"т-котль ойка и стал есть содержимое подогретого желудка оленя.
Так лежал он и наслаждался едой... Малый человек, Нангхут, со сломанным мечом в руке вошел в дом. Так сказал:

"Таг"т-котль ойка, вставай!
Такое известное богатырство разнесло имя твое !
Такое славное богатырство разнесло славу твою !
И ты как можешь все без дела лежать так?!
Нет больше славного богатыря!
Нет Сярхал-анет-ютлан ойки!
Нет богатыря , лук имеющего ! "
Таг"т-котль ойка вот встает быстро,
На свое плечо, шкуркой соболя покрытое,
медведя мехом покрытое,
Панцирь свой из желтой кости надевает.
В мягкой своей постели,
в меховых подушках рыться начинает, -
волшебный меч свой нашел!
Пятью пальцами, пять пальцев руки имеющей, взял.
Из лиственницы - дерева священного дома своего,
Из елового дерева священного дома своего,
На середину пола меч поставил:
Как будто огонь заиграл - такой его меч был!
Как олень двумя ушами вдаль прислушивается,
Как хорь двумя ушами вдаль, слушает богатырь:
Как будто какой-то шум слышен стал.
Из дверей дома с дверями тогда вышел –
Глаза, как две спелые смородинки, так смотрят:
Войско его вот уже здесь...
Молодых мужчин, сыновей его,
часть сплошь мертвые лежат,
Часть перебиты лежат.
Известный свой меч, славный свой меч
Пятью пальцами, пять пальцев руки имеющей,
крепко схватил богатырь - туда побежал.
Известный богатырь, имя твое !
Славный богатырь, слава твоя !
Вот голову одну отрубает,
с волосами головную кожу сдирает,
к поясу своему, соболиной шкуркой украшенному, подвешивает.
После того, как две спелые смородинки, глаза, так смотрят:
Два чужих богатыря с малыми людьми своими вместе отступили.

Тогда свой меч Таг"т-котль ойка за пояс вложил,
за двумя чужими богатырями в погоню бросается.
Через малое время к ним приближается, так кричит:
"Не надо бежать! Если какой мести ищите - у меня ищите!
Если какое дело есть - у меня ищите! "
Два чужих богатыря с малыми людьми своими
вместе бегут - не слушают.
Тогда Таг"т-котль ойка с тремя крючьями из рога
стрелу свою на сгиб согнутого лука помешает,
тетиву натягивает - отпускает –
двух богатырей чужих, обоих вместе, стрела достала.
Как осенняя рыба на красивом вешале - на одной стреле
Как весенняя рыба на красивом вешале - на одной стреле стоят. Первый богатырь так
говорит: "Хека! Ты меня почему назад дернул?!" Задний человек его так отвечает: "Как
осенняя рыба на вешале,
как весенняя рыба на вешале - на одной стреле
с тремя крючьями вместе стоим! "
Бежит Таг"т-котль ойка, богатырь, туда,
на бегу меч, на бедре висящий, выхватывает,
двум богатырям лохматые головы срубает.
К поясу своему из заячей шкурки,
к поясу своему из медвежьего меха подвешивает.
Тогда в трудный путь, колени сдирающий,
в трудный путь, голени сдирающий,
вот пускается, туда, куда малые люди двух богатырей побежали. Вдруг глаза его, как две
спелые смородинки, смотрят так;
малых людей на полет стрелы впереди видят.
Тогда богатырь с тремя крючьями стрелу
на сгиб сгибающегося лука кладет, тетиву натягивает - отпускает;
Три парня на одной стреле стоят.
Первый парень так говорит; "Хека! Ты меня почему назад дернул?!" Сзади стоящий парень
так отвечает:
"Как осенняя рыба, как весенняя рыба на вешале,
так мы все вместе на одной стреле находимся! "
Вот туда побежал богатырь Таг"т- котль ойка,
меч свой достал, кожу с волосами их,
славного меча, известного меча лезвием отсек, содрал.
Потом меч свой за пояс вложил,
головную кожу к бедру своему к соболиному поясу своему,
к медвежьему поясу привязал.

За домом богатыря семь из одного корня высохших лиственницы стоят. Таг"т-котль ойка
головные кожи все с пояса снял,
все это на торчащие из одного корня лиственницы вешает –
Как обский халей качается, так пусть ветер качает это!
Как озерный халей на ветру качается, так пусть качается это!

Стоят за священным домом богатыря женщины рода, плачут,
Стоит его один малый человек живой, плачет.
Так вот, плача, все стоят.
Известный богатырь, славный богатырь Таг"т-котль ойка так говорит: "Ты, сынок, что
плачешь? Вы, женщины, что плачете?"
"Мы потому плачем, что думаем:
"Известный богатырь, славный богатырь!
Добрый господин наш! - куда ты делся?!"

Такое вот богатырство разносит его славу!
Такое известное богатырство прославляет его имя !
Тут чужой человек, манси-человек, проходя, скажет:
На покрытой лодками, покрытой веслами Большой воде, скажет:

На высоте бегущего облака в городке манси скажет:
На высоте идущего облака в городе манси скажет:
"Здесь Таг"т-котль ойка живет!"

Пуст, Большой дом. Всем оставшимся людям рода места на заваленных мехами нарах хватает. Даже женщинам, хоть и сидят они в холодном углу у входа. Тусклый свет пробивается едва через окна-щели, затянутые налимьей кожей. Только в очаге, в центре земляного пола горит яркий огонь. Глаза людей слезятся от дыма, выходящего сквозь открытые двери. Тихо в Большом доме. Некому спорить. Все ждут, что скажет глава рода.

"Вы, люди, женщины, и Вы, духи старейшин и славных людей нашего рода! Вы, духи предков! Вы помните, как красноволосые чужестранцы, что приплыли к нам на двух больших лодках, напали на людей манси. Мы их прогнали. И одну их большую лодку захватили. Много оружия из нетающего льда, что крепче камня и острее кости, взяли. Три раза по дюжине скальпов сняли мы с мертвых врагов. Один же из них взят нами в плен. Я собрал теперь всех вас сюда, чтобы решить, что делать с ним."

Сказав такую речь, богатырь Таг"т-котль ойка грузно опустился на свое почетное место. Молчали манси.

"Кам, что скажешь? - Обратился в теплый угол к шаману глава рода. Встал старый шаман. Начал комлание. Резко звучали в тишине глухое дыхание старика и треск горящих дров. Закрутился шаман вокруг костра, застонал. Жалобно загудел бубен. Бряцали костяшки бляшек, изготовленные в виде священных животных, нашитые на одежду. Прыгали в воздухе, метались над огнем ноздри и коготки соболей и белок. "Гу-гу-гу!" - сотрясали воздух дикие крики шамана. - Бурей носился старик по Большому дому. На лице его выступили крупные капельки пота, глаза налиты кровью, безумно мечутся.

С нарастающей силой гудит бубен. Шаман поднял руки вверх, замахал ими под низким потолком, точно стремился полететь, пробиваясь сквозь смолистые бревна, в небо. "Мугун, дух огня! Счастья подай! Дыханье сохрани! Скажи, как нам быть?! Чужеземцы убили многих молодых и сильных охотников! Некому больше оплодотворять наших женщин! Погибает род! А где найдут мужа, чтобы родить детей, девушки, не знавшие мужской ласки? !...Торм, Торм и ты, могучий Нум! - За гибель людей манси - крови! крови! крови!...Жертв требует Рачский бог под высокой лиственницей, стоящей на краю Большой воды!"

Изо рта шамана повалила пенистая слюна. Дико завывая и закрутившись еще быстрее, он вдруг резко отбросил жалобно зазвеневший бубен и упал навзничь, корчась в судорогах.

Молчали манси. Ждали, что скажет глава рода. Долго молчал и он. Наконец встал, заговорил глухо: "Чужеземцы убили многих молодых охотников... Где взять мужей нашим женщинам? Другие роды далеко: три раза по три дюжины полета стрелы пойдешь - человека не встретишь!... Так пусть чужеземец, виновный в смерти охотников, возместит нам убитых !Мои годы к закату идут. Я не могу уже, как прежде, род продолжать. Нангхут - маленький охотник, имеющий молодую жену. Со всеми, однако, ему одному не справиться! Пусть же они с чужеземцем вместе ласкают женщин и девушек народа манси... Пленник - знатного рода, родственник вождя западных красноглазых людей. Пусть же старшей его женой станет моя младшая дочь, не знавшая мужчины".

Среди манси Пронесся легкий шепот одобрения.

"Жертвы требует Рачский бог!" - Взвизгнул вдруг пришедший в себя после тяжелого компания шаман.

"Дадим ему в жертву веженку! Двух, трех веженок дадим!"

"Однако, человеческой жертвы требует бог!"

"Человеческих жертв немало под священной лиственницей!"

"И пленника бог к себе зовет!"

"Хитришь, старик! То не бог, ты этого хочешь! Чтобы тебя больше девушки манси ласкали! Но будет ли от того польза роду?! Не подарить уж тебе новых охотников роду!"

Но упрямылся шаман. Не хотел уступать.

Тогда гневно ударил кулаком по нарам богатырь Таг"т-котль ойка и вскочил на ноги; "Ты говоришь, как глупец! Хоть и сидишь на почетном месте мудрецов... Не для того моя дочь так долго лечила чужеземца, чтобы зря пропала его мужская сила! ...Так будет, как я сказал! Что бы ты ни говорил, глупый старик, с мозгами не больше, чем у оленьей веженки!" С этими словами богатырь Таг"т-котль ойка с шумом вышел из Большого дома.

Рано встает небесный кузнец. На плечах огненных коней горн солнца раздувает. Поднимается

светило альвов над хмурым морем. Но скатывается солнце назад в бездну, едва на небе показавшись. Радужной бахромой повисают его лучи над низким горизонтом. "Спой, скальд, о славном походе в страну тумана и холода!" – Просит старый викинг, задумчиво теребя седой ус. Певца просить долго не надо. Голос скальда звонок. Мастер мальчишка Олоф суровую жизнь в мудреные руны сливать, в саги складывать!

-

"Шумели весла,
Железо звенело.
Гремели шиты.
Викинги плыли.
Так далеко на Восток
Впервые попали они.
Мехом и рыбой была
Богата эта страна.
Малый народец там жил.
Как водится исстари,
Конунг наш славный, Вальнар
Подарки поднес вождю:
Меч тяжелый, железный,
Нож и топор, и еще
Кусок полотна дорогого.
Так же старейшинам манси -
На всех с полдюжины острых
Ножей и рыбацкой снасти
И кусок полотна дорогого

Вождь доволен остался
И торг разрешил.
Но дикие манси
Не ведали дела торговли:
Жадность глаза им зажгла
И пробудила свирепость.
Гостеприимства закон
Нагло при этом поправ,
Силой забрать весь товар
Надеялся дикий народ.
Викинги храбро дрались,
Добро защищая свое.
Но силы были неравны.
Жужжали острые стрелы
С жалом из рыбьих костей,
Метко разили храбрых.
Воинов много смелых
В тех краях полегло...

Лежат они, холодом объятые на поле мрака. Темная кровь запеклась в густых усах, мягкие шелковистые кудри ветер-изменник развивает.

О, встань, зовущий бурю копий!

Подними скалу плечей!...

Уж ворон, садится клевать очи богатырские, а вороги лютые доспехи с мертвых сдирает, примеряют рогатые шлемы. Лишь меча двуручного им не осилить - слишком тяжел для них богатырский меч!

Крепкий корабль потеряв,
Викинги в море ушли.
Буря несла нас свирепо
В мрака и снега страну.
Ветры свирепые здесь

Последний корабль подхватили,
Долго носили потом
В снежном тумане, пока
В льдину корабль не вмерз... "

Ветер утих. Яркий ослепительный снег заставляет щурить глаза. А вокруг до самого горизонта - только такие же ослепительно белые льдины, прорезанные кое-где черными трещинами моря...

Среди обессиливших викингов - ропот. Шепчутся. На конунга искоса поглядывают.

Хмурится конунг. Тайное предчувствие сердце гложет.

- Что шепчетесь, трусы?! *Что* замышляете?! Открыто говорите!

Молчат викинги, глаза потупив. На месте топчутся. Лишь немногие смельчаки исподлобья переглядывались хмуро.

Сделал Вальнар шаг вперед - толпа заколебалась, отступила.

Только старый седой Харбард, с израненным глубокими шрамами лицом, на месте остался. Как могучий ясень Иггдрасиль - дерево пределов, стоит на земле крепко, вцепившись в нее глубокими корнями, Так и Харбард прочно уперся в палубу крепкими ногами, словно прирос к ней. Единственный свой глаз не опустил перед гневным взглядом конунга.

«Харбард! Ты самый старый воин в моей дружине! Самый опытный, мудрый и храбрый! Не таи от меня правды, какой бы она ни была!»

Ни мгновения не помедлил с ответом старый воин: "Викинги считают, что тебя оставила удача!" - Громко и отчетливо произнес он.

Острая боль полоснула по сердцу Вальнара. От гнева разум помутился. Схватился за меч конунг: "Старик, Коль ты посмел мне это сказать, то, клянусь, жестоко заплатишься за такую дерзость ! "

Не шелохнулся Харбард. Стоит, точно вкопанный.

Но стеной стали викинги на его защиту, обнажили мечи...

"Харбард отважный
Смело в глаза
Заявил Вальнару-конунгу,

что удача его покинула !
Страшная правда!..."

Нет тяжелее оскорбления для вождя, чем в удаче его усомниться. Такое только кровью смывается!

Могуч и славен конунг - в краю родном изобилие и радость. Заржавели в ножнах мечи, давно не мешавшие вражьей крови, - закатилось счастье! А коль закатилось солнце счастья конунга - то и народу стонать под бременем жестокой судьбины. Страшные беды крадутся по пятам неудачливого вождя, голод косит целые роды, болезни выдирают из племени могучие корни, женщины перестают рожать. В это время жертв кровавых алчут боги: кусками тела незадачливого своего вождя удобряют тогда викинги бесплодное тело Нерты - бедной земли своей! Сквозь ребра мертвого конунга пробьются новые золотые колосья к солнечному свету - богатого урожая дождется тогда народ!...

Только поединок может решить, изменила ли Вальнару удача! Если же изменила - такая уж у конунга горькая судьба!...

"Вышли на лед,
Как слеза, прозрачный,
Харбард седой
И конунг Вальнар.
Опытен и отважен Харбард.
Но зима жизни
длинную бороду его
посеребрила.
Ослабло тело, жилище силы ...
Уж не ошиблась ли судьба,
избрав своим орудием
столь слабого противника!
Вместе сошлись,
Яростно сшиблись.
Взмахнул Окольником
Вальнар могучий;

Лопнул у Харбарда
Щит деревянный
Прочь и свой щит
Вальнар отбросил!
Вместе сошлись,
Яростно сшиблись.
Бросил копье Харбард
В Валнера - Треснуло древко
И Валнером тоже копье отбросил.
Вместе сошлись,
Яростно сшиблись.
Харбард же старый
Не уступает ловкостью Вальнеру.
Псы битвы – мечи
В битву вступили.
Как панцирь краба,

Вспорол Окольник
Доспехи соперника,
Зеркало льда
Обагрил кровью Харбарда!
Вдруг солнца луч,
судьбою брошенный,
Блеснул на лезвии.
Зажмурился Вальнар.
И тут же рукою слабеющей

Харбард успел, изловчась,
В горло конунга
Острый клинок
Вонзить аж по рукоять:
Горячим Фонтаном
Забилась кровь Вальнара,
Как вода из ноздрей
Кита гренландского!
Пали на лед оба героя !

А боги упивались кровью! Подставляли под густые дымящиеся струи жертвенные кубки, сделанные из человеческих и конских черепов. Охмелевшие, они вопили и хохотали, пускались в дикий пляс, дрались из-за кусков жертвенного мяса воинов! ... Видно мала оказалась жертва!

Тут треск могучий раздался за спинами викингов. То их корабль, льдами раздавленный, в бездну ушел.

Рухнули на колени викинги, в мольбе руки к груди прижав. Беззвучно шепчут заклинания вмиг помертвевшие губы. Зашевелились волосы под рогатыми шлемами. Ты ходил один против десятка врагов, смелый викинг, спорил в одиночку с бурным морем, стальным мечом рассекал грозные скалы, вдесятером вы обращали в бегство целое войско! Но отчего же сейчас дрожат твои губы, герой?! Почему отказываются подчиняться голове крепкие руки?! Почему колени - словно ко льду примерзли?! - А потому, что за сотни дней и ночей не найти кругом и бревнышка для погребального костра! А значит, не попасть тебе в заветную Вальгаллу - обитель богов и героев! Вечному забвенью теперь каждый из них обречен!

На берегу Большой воды в стране народа Манси сидел странный человек с седеющей огненной бородой и горбатым носом, не похожий на манси. С тоской и надеждой глядел он на Запад.

Восемь охотников вернул он роду, дюжину и три самых красивых девочки подарил. Род давно простил ему вину и готов был отпустить на родину... Но, где же белокрылый корабль, который увезет его домой?! Сколько зим ждет .он этого корабля? Дюжину? Две? Три? Затерялся счет в белой поземке. . . Молодой охотник тронул его за плечо; "Вставай, отец! Богатырь Таг"т-котль ойка в мир предков собрался. Тебя зовет, однако!" Со вздохом поднялся краснобородый, понуро поплелся за охотником. Нагнулся перед низким пологом и вошел в жилище родового вождя.

Богатырь Таг"т-котль ойка лежал на нарах, покрытых волчьими шкурами. Под нарами копошились, повизгивая, щенки лисиц и песцов. По стенам развешена меховая одежда, шкуры, оружие. В почетном теплом углу - связка полинялых скальпов. Вокруг старика уже собрались охотники рода. Все ждут, что скажет богатырь. Увидав краснобородого, глава рода начал слабым голосом: "Вы, люди, и Вы, духи старейшин и знаменитых людей нашего рода! Рачский бог призывает меня к себе. Пора выбирать нового вождя... Подойди сюда, Хельги. Вы, люди. слушайте! Ты, Хельги, из знатного рода красноголовых людей страны Вик! Ты был отважным и удачливым охотником! Ты подарил роду самых сильных и ловких охотников! Ты дал жизнь самым красивым девушкам рода! Ты научил стариков делать чудесный нетающий лед, стрелы из которого Твёрже камня и острее кости... Его вождём почитайте люди! Не найти вам лучшего! "

Грустно усмехнулся Хельги. Словно в тумане, увидел он себя мальчишкой-несмышленишем... Таскает хмельной отец мать, рабыню из Гейдарики, за косы. Ногами бьёт.

- Не трогай маму, лохматое чудовище! - вступился за обиженную сын.

- Что !? - В удивлении замер викинг, метнув огненный взгляд.

Схватился мальчика за костяную ручку ножа, отца подарка. Просвистел клинок - и впился в дубовую балку над головой викинга-великана, пригвоздив к дереву его ухо. Взревел викинг, рванулся вперед - порвал ухо. Провёл рукой по щеке. На окровавленные пальцы свои уставился выпученными глазищами.

Широко раскрыты от ужаса глаза матери. Бросилась на колени. Ноги мучителю целует; "Прости, прости чадо несмышленное!" Не поворачивая головы, хотел великан нож из дерева вытащить - не смог - на четыре пальца лезвие ушло в дубовую балку! Сделал викинг несколько шагов в сторону сына, протаскивая за собой по полу рыдающую рабыню. Заходили ходуном тяжёлые половицы. Мальчишка стоит, как прилип к полу. Словно бывалый моряк широко ноги расставил. Смотрит исподлобья. Кулачки сжал. Медленно поднялась огромная, с голову ребенка волосатая ручища... Но вдруг что-то подобное улыбке осветило обветренное, покрытое шрамами безобразное

лицо морского Бродяги. Грубая рука воина ласково потрепала ребёнка по щеке: "Орёл кричит рано-
- Быть тебе вождем! "... Криво усмехнулся Хельги: наконец сбылось отцово предсказание.